

Посвящается Изé и Каито

Белое солнце, красная пыль.

Раскаленная часовня — больше сорока градусов.

Каждый политик, офицер, видный деятель или крупный руководитель выступал вперед, на несколько секунд принимал глубокомысленный вид, а затем отступал тем же торжественным шагом, ослепленный полуденным светом и трескучими вспышками. Позади, за оцеплением из солдат конголезской армии, более-менее приодетые представители народа размахивали пластиковые флажки с изображением усопшего.

Эрван Морван спрашивал себя, с какой стати его сюда занесло. Никакого отношения к Конго он не имел, хоть и родился здесь. Во Францию его привезли в двухлетнем возрасте, и ни малейших воспоминаний о стране рождения он не сохранил. Его отец Грегуар настоятельно попросил сына присутствовать на похоронах генерала Филиппа Сезе Нсеко, «старого друга» из Лубумбаши, столицы провинции Катанга. Он согласился. Из сыновнего послушания, а также из странного любопытства.

Стоя во второй группе, среди белых, Морваны, отец и сын, ждали своей очереди. Возвышавшийся над гробом балдахин с цветочными гирляндами и алыми драпировками напоминал гримерку оперной дивы. Портрет Нсеко в золоченой раме венчал траурное ложе, накрытое флагом Демократической Республики Конго: бирюзовый фон, перечеркнутый красно-желтой диагональю с желтой звездой наверху. Погребальная команда и духовой оркестр были обряжены в ярко-красные ливреи. Класс.

Но при ближайшем рассмотрении в глаза бросались некоторые недоработки. Покрытые пылью мундиры были сшиты

плохо. Навес установлен криво. Оркестр играл фальшиво, каждая музыкальная фраза заканчивалась писклявым пуком. Тарелками служили простые крышки от кастрюль.

Но хуже всего была жара. Она выжигала малейшие молекулы жизни, заставляя их скворчать, как сало на сковородке.

Эрван расслабил галстук. Рубашка липла к телу. В горле вкус глины. Перед глазами плывут сиреневые пятна. Впервые в жизни он опасался упасть в обморок.

Стоящий рядом Грегуар — сто девяносто сантиметров роста, сто двадцать кило веса, — затянутый в спитый на заказ костюм от Эрменеджилдо Дзенни, казалось, обладал иммунитетом к пеклу. Держа под мышкой похоронный венок, он пожимал руки, обворожительно улыбался, удерживал слезу — короче, ломал комедию, не испытывая и тени дискомфорта.

Эрван наблюдал отца в действии: у того было лицо бретонского моряка, дубленое штормами и вырезанное ножом, каким чинят сети. Бычий лоб и греческий нос. Курчавая седоватая шевелюра охватывала его череп как гальванизированный металлический шар. На самом деле Эрван был похож на него — как менее грандиозная, но и менее свирепая версия.

— Али Бонго, сын Омара, — негромко проговорил Грегуар, когда к гробу приблизился невысокий человек.

Эрван совершенно не разбирался в африканской политике, но уж это знал: Омар Бонго, бессменный президент Габона на протяжении более сорока лет, был одним из самых грозных африканских лидеров и «неизменным другом» Франции, орошающим Гексагон¹ нефтью. Его сын Али подхватил факел.

— Позади него Моисей Катумби Шапве, губернатор Катанги...

Эрвану все они казались на одно лицо, но этот, к счастью, оказался метисом и носил техасскую ковбойскую шляпу. Судя по рассказам, Катумби был местной знаменитостью. Миллионер, филантроп, президент футбольного клуба, он являлся одним из самых популярных деятелей правительства Кабилá².

¹ *Гексагон* (Шестиугольник) — одно из названий Франции в ее европейских границах.

² *Лоран Дезирé Кабилá* (1939–2001) — президент Демократической Республики Конго.

— Ришар Муиеж, министр внутренних дел Конго. Очень опасен.

Накануне за ужином Грегуар Морван сделал маленький экскурс в недавнюю историю страны. Эрван мало что понял, но запомнил несколько фактов. После геноцида в Руанде тутси¹ преследовали милицию хуту² до самого Конго. Они воспользовались ситуацией, чтобы прогнать Мобуту и сделать президентом Лорана Дезире Кабила, который поспешил выступить против своих союзников, развязав Вторую конголезскую войну между регулярной армией, военными-тутси, беженцами-хуту, мятежной милицией, «голубыми касками»...³ В 2001 году Кабила был убит, и вскоре ему наследовал его сын Жозеф. Десять лет спустя Демократическая Республика Конго занимает последнее место по классификации ООН, основанной на индексе человеческого развития⁴. Трудно выбрать, где было бы хуже родиться...

— А это...

Эрван уже не слушал. С самого приезда он *ощущал*. Запахи, краски, жару. Они приземлились в Киншасе накануне, в пять утра. Спускаясь по трапу, он окунулся в цвета расплавленного свинца и запахи распада зари.

Пока они добирались до столицы по «автостраде» (простая дорога без покрытия, почти тропа), взошло солнце. Воздух внезапно стал абсолютно сухим, с затхлым запахом кирпича и плохо очищенного бензина. Когда-то прозванная Красавицей, Киншаса сегодня походила на гигантский вывернутый помойный бак, где кишел муравейник из черных голов и ярких бубу⁵.

Оказавшись в гостинице, Эрван кинулся в свой номер, включил кондиционер на максимальное охлаждение и залез под душ.

¹ *Тутси* — народ в Центральной Африке (Руанда, Бурунди, Демократическая Республика Конго) численностью около 2 млн человек.

² *Хуту* — народ в Центральной Африке, основное население Руанды и Бурунди.

³ *«Голубые каски»* («голубые береты») — военные силы ООН.

⁴ *Индекс человеческого развития* (ИЧР) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории.

⁵ *Бубу* — длинная туникообразная рубашка, мужская одежда у некоторых африканских народов.

После нескольких часов передышки — обратно на сковородку: аперитив и обед с отцом у бассейна. Потом снова перелет местным рейсом. По пути в аэропорт начался дождь. Пыль превратилась в грязь, все цвета слились в одну алую реку, затопившую улицы, стекавшую с крыш, забрызгавшую стены. «Рановато для сезона дождей», — изрек Морван тоном медика, поставившего онкологический диагноз.

Четыре часа спустя Лубумбаши, «столица меди», приняла их под тем же проливным дождем. У Эрвана было ощущение, что он плавает в околородных водах мира. Отец без всякой иронии утешил его, похлопав по плечу: «Это колыбель нашей семьи, мальчик мой!» Формулировка прозвучала странно: обычно Морван хвастался своей принадлежностью к аристократическому бретонскому роду — Морваны-Коаткены. В гостинице все пошло по заведенному расписанию: аперитив, ужин, бассейн. Вечер был посвящен Сесе Нсеко, оплакиваемому покойнику. Он руководил «Колтано», горнопромышленным предприятием, основанным лично Морваном.

Эрван не вмешивался в ход событий. Среди тревожных криков в ночи он слышал, как трещат, стораая на неоновых лампах, комары. Подсвеченный со дна бассейн был усеян опавшими листьями и кишел пиявками. Эрван и так уже понял, что жизнь белых в Африке родственна жизни жаб, квакающих вокруг водного источника.

Наутро, когда он проснулся, воздух снова пылал. Кондиционер испустил дух. Эрван едва успел влезть в черный костюм и присоединиться к отцу, который уже держал под мышкой траурный венок на манер спасательного круга. Он заказал его утром у местного цветочника.

— ...Кенго Булуджи...

— А Кабила, — прервал он отца, — он не придет?

Отец неодобрительно покачал головой:

— Ты пропустил мимо ушей все, что я тебе вчера объяснял. Кабила и Нсеко принадлежат к разным этническим группам. Все равно что пригласить папу римского на конгресс стриптизерш.

Пришел черед белым отдать последний долг.

— Помоги мне, — приказал Грегуар.

Они подхватили венок и заняли место в траурной процессии. Морван продолжал шепотом давать комментарии, на этот раз относящиеся к французам и бельгийцам:

— Вон тот франкмасон. Был министром международного сотрудничества и...

Эрван видел только пятнистые или лысые черепа, морщинистые шеи, густые брови. Средний возраст между семьюдесятью и восьмьюдесятью. Умирающие слоны явились удостовериться, что бизнес будет продолжаться. Китайцы и индусы замыкали цепочку акул. Новая смена...

Когда они проходили мимо погребального навеса, гигантская рука тяжело опустилась на плечо Морвана.

— Как дела, цыпочка моя?

Африканец ростом с отца стоял позади них. Эрван отступил на шаг. Смех чернокожего перекрыл звук фанфар, и на его, словно отлитом из чугуна, лице засверкала клавиатура ослепительных зубов. Грегуар расхохотался в свой черед, и двое аферюг принялись обниматься.

— Только не говори, что ты примчался издалека ради этой старой сволочи!

— В благодарность за хлеб-соль.

— Ну что ты за скотина! Все же знают, что хозяин здесь один — ты!

— Нсеко был нашим капитаном в бурю.

— Сторожевым псом — это да. Мир его душе. — Он обратил выпученные глаза на Эрвана. — Ты меня не представишь?

— Мой сын Эрван. Генерал Трезор Мумбанза.

От рукопожатия гиганта у Эрвана едва не хрустнули кости.

— Рад с тобой познакомиться. — Генерал провел пальцами по обритой голове Эрвана. — Военный?

— Коп. Держу голову в холоде.

— Здесь тебе не поздоровится! Лучше надень шляпу!

Новый взрыв смеха.

Мумбанза стоял спиной к солнцу. Видны были только белки глаз с черными точками зрачков. Эрван подумал о «Заклинательнице змей» Таможенника Руссо.

— Наш друг командует регулярной армией в Катанге, — пояснил Морван. — Вроде местного Пиночета.

— Не надо лести.

— Без него война от Киву¹ уже добралась бы до Лубумбаши.

Генерал (он был в темном кителе без всяких военных отличий) указал на гроб и перешел на заговорщицкий тон:

— Знаешь, от чего он умер?

— Мне сказали, от сердечного приступа.

— Сердечный приступ на африканский лад. Ему вырвали сердце!

— Кто?

— Тутси. Хуту. Мау-мау... Выбирай сам. А может даже, баньямуленге² или какой-нибудь кадогас³. Или же вы, белые, втихари. Кто знает?

— Где это случилось?

— На его собственной вилле. Ему разрезали грудь обычной ножовкой и угостились. По-моему, они даже не потрудились покинуть гостеприимного хозяина, чтобы слопать его сердце. — Мумбанза гоготнул как паровой локомотив, глядя на Эрвана. — Здесь, малыш, пррррравда Африка!

— Кончай свои шуточки, — приказал Морван. — Нагонишь на него страху.

Позади них раздался ропот: они перекрыли дорогу. Эрван поторопился возложить венок. Для молитвы пришлось бы пройти еще раз.

— Кто заступит на место Нсеко? — спросил Грегуар, направляясь к палатке, где был размещен буфет.

— Голосование сегодня после обеда. Генеральная Ассамблея!

— У тебя все шансы...

Мумбанза устало отмахнулся, вот ведь фигляр.

— Не могу же я взваливать на себя все сразу, но если меня очень попросят... — Он внезапно повернул голову, заметив

¹ *Киву* — озеро в Центральной Африке, на границе между Руандой и Демократической Республикой Конго.

² *Баньямуленге* — конголезские тутси, населяющие плато озера Киву (см. выше).

³ *Кадогас* — ребенок-солдат, как правило похищенный из семьи.

кого-то в толпе. — Потом поговорим. Мне нужно пожать пару клешней.

Морваны скользнули под навес, где выстроились столы, накрытые белыми скатертями. Алкоголь, фруктовые соки, говядина на шпажках, рыба в кляре... Под полотняным навесом витал запах барбекю.

— Убийство, — произнес Эрван, потягивая теплый апельсиновый сок. — Ты поэтому приехал?

— Вовсе нет. Я и в курсе-то не был.

— Наведешь справки?

Грегуар сплюнул на пол: он на глазах превращался в африканца.

— Не мое дело. Негритянские заморочки.

— А он? — спросил Эрван, кивая на Мумбанзу.

— Сменит на посту Нсеко. Не худший вариант... Любитель хороших вин и белых телок.

Эрван никогда не знал, шутит его отец или нет.

— Знаешь, что спасло Францию во время беспорядков в мае шестьдесят восьмого? — продолжал Морван, подхватывая с подноса рюмку пастиса.

— Нет, — соврал Эрван.

Эту историю он знал наизусть.

Подняв рюмку с настойкой, старик посмотрел сквозь нее на льющийся снаружи солнечный свет:

— «Рикар»¹. Когда Франция готова была отдаться в руки гошистов², Паскуа³ и его клика из SAC⁴ организовали демонстрацию в поддержку де Голля. Это-то все знают. Двести тысяч

¹ *Перно Рикар* (фр. Pernod Ricard) — французская компания, производитель и дистрибьютор алкогольных напитков. Штаб-квартира — в Париже.

² *Гошизм* — обобщенное название французского леворадикального движения 1960-х — начала 1970-х гг. Социальной базой гошизма были французские студенты.

³ *Шарль Паскуа* — правый французский политик и бизнесмен.

⁴ *SAC* (Service d'Action Civique — Служба гражданского действия) — голлистская милитаристская организация. Один из создателей — Жак Фоккар, главный советник Шарля де Голля по вопросам политики в отношении африканских регионов. Важнейшим участником этой организации числился Шарль Паскуа, ставший известным как ментор Жака Ширака. SAC была распущена согласно распоряжению правительства Франсуа Миттерана в 1982 г.

человек на Елисейских Полях, и еще одна революция уничтожена в зародыше! А вот что менее известно: чтобы собрать демонстрантов со всех уголков Франции, завод «Корс» задействовал свои сети. В то время он был представителем марки «Рикар». Все коммерческие контрагенты впряглись и арендовали автобусы. По приезде в Париж каждый активист имел право на бесплатную рюмочку и ломтик колбасы, а потом — вперед, за дело! — Он поднял бокал за воспоминания. — Во Франции Мао бессилен против пастиса!

Старик поставил рюмку на другой поднос (он никогда не прикасался к алкоголю) и ответил наконец на вопрос, который Эрван так и не задал:

— Скажу тебе, зачем мы здесь. — Он подмигнул. — Чтобы проследить за вашим наследством.

I

МОРВАНЫ
Отец и сын

— Олланд просто мудро, пидор с яйцами всмятку! — гремел Морван. — Черт побери, когда наконец в этой стране у президента будет член, а не веник?

Спустя три дня Эрван ужинал у родителей на авеню Мессины, в огромной квартире, обставленной из Фонда национального хранилища мебели. Пресловутые воскресные трапезы, которые не пропускал ни один член семейства — не ради удовольствия, но из чувства долга.

— Он с собственным компьютером совладать не в состоянии, а ему вручают ключи от страны? И чего от него ждать? Французы натуральные недоумки, и в каком-то смысле они имеют что заслуживают!

Эрван вздохнул. Святейший гнев Падре по воскресеньям был обязательным блюдом, как и то, что готовила мать из тофу и киноа.

На самом деле эти обличительные речи служили только вывеской. Вот уже лет сорок Старик обслуживал власть, какой бы она ни была, без малейших душевных терзаний. Его любимой присказкой было: «Засову плевать на то, что за дверью».

— Еще немножко табуле? — предложила Мэгги, наклоняясь к Эрвану.

— Мне хватит, спасибо.

По крайней мере, пока Старик громил правительство, он не оскорблял мать. И пока его гнев не перерастал в семейную свару, все были довольны. Эрван знал и другие времена, когда Грегуар выкладывал свой ствол на обеденный стол или грозился выбросить жену в окно, если та не сменит морду лица.

Он оглядел сотрапезников: весь клан в сборе. Гаэль, младшенькая, двадцати девяти лет, рассылала СМС. Лоик, его младший брат, тридцати шести лет, дремал над тарелкой. В конце стола — его дети, Мила и Лоренцо, пяти и семи лет, благовоспитанные и тихие. Пустой стул принадлежал Мэгги, которая продолжала ревностно обслуживать свое племя.

Иллюзия была полной: respectable буржуазная семья, традиционно собравшаяся вместе, как каждое воскресенье. Изнанка выглядела менее привлекательно. Лоик, бывший алкоголик, а на сегодняшний день финансист-миллионер, пристрастился к кокаину и искал спасения в буддизме. Гаэль хотела сниматься в кино и спала со всеми подряд, чтобы «продвинуть свою карьеру». Что до Мэгги, бывшей хиппи и фанатичной матери, она всю жизнь сносила тумачи мужа, никогда не жалуясь и не решаясь развестись.

— Когда же страна двинется вперед? — ораторствовал Морван, не прикасаясь к своей тарелке. — Где те меры, которые призваны оживить Францию? Ничего, ни черта, одно только сотрясение воздуха! Все те же обещания, все та же дурь...

Эрван покачал головой: он надеялся, что эта тирада завершится десертом. Морван был ключевой фигурой данной асамблеи. Шестидесятисемилетний колосс, наделенный бычьей силой и железным здоровьем, он долгое время в информированных кругах считался лучшим полицейским Франции. И самым неболтливым.

Самоучка, отчаянный гошист, после событий шестьдесят восьмого года он был сослан в Африку. Казалось, его карьера погибла в зародыше, но в Заире он умудрился один и без всякой помощи задержать серийного убийцу по прозвищу Человек-гвоздь, который охотился на представителей белой общины одного из шахтерских городов Катанги. Морван вернулся во Францию в ореоле славы. Он рванул по служебной лестнице, перескакивая ступеньки при Жискаре, и добился окончательного триумфа при Миттеране. Будучи комиссаром уголовной полиции, он осуществлял тайные операции для Дядюшки — такое прозвище получил президент — и постепенно вошел в ранг не-

прикасаемых. «У меня ни друзей, ни связей, — говаривал он, — зато много-много досье».

Эрван никогда не пытался разузнать о делах отца, но не питал никаких иллюзий относительно его тайной деятельности. Морван убивал, крал, мошенничал, шпионил, шантажировал — и все в интересах Республики. Это его более-менее отличало от обычного уголовника.

Возведенный в ранг префекта, когда к власти пришел Ширак, он продолжил выполнять свои прежние обязанности на одном из этажей здания на площади Бово¹. Кто ж меняет команду, которая выигрывает. Саркози оставил его на месте, и хотя Морван давным-давно достиг пенсионного возраста, при Олланде он все еще был там, теперь уже в роли советника министра внутренних дел, хотя и не числился ни в одном штатном расписании. Прозванный когда-то Левым Паскуа, он походил сегодня на один из тех лежащих под землей старых снарядов, которые категорически не рекомендуется трогать — вдруг взорвется.

Внезапно Эрван осознал, что тревожный звоночек уже прозвенел.

— Чертова шлюха, и ты называешь это жратвой?

Струйка холодного пота пробежала по позвоночнику. Ругань отца обладала властью мгновенно переносить его в детство. Он уже дрожал. Сердце билось где-то в горле.

— Папа, замолчи!

Морван что-то пробурчал себе под нос. Эрван оглядел соотрапезников: Лоик пребывал в полудреме, Гаэль настукивала на клавиатуре мобильного, дети уткнулись в свои тарелки. Даже Мэгги продолжала подавать с безразличным видом.

— Могла бы и отложить телефон, — бросил патриарх, обращаясь к Гаэль. — Мы за столом.

Молодая женщина и головы не подняла. У нее был профиль примерной школьницы под копной светлых, почти белых волос. Овальное лицо, высокие скулы, неестественно бледная кожа. Как и Лоик, она унаследовала былую красоту матери. Гаэль

¹ На площади Бово в Париже располагается здание Министерства внутренних дел.

носила одежду лучших марок, сногшибательно дорогую, но с той рассеянной небрежностью, которая граничит с пофигизмом.

— Эй, я к тебе обращаюсь!

— Что?

— Ты могла бы больше ценить те моменты, когда мы собираемся вместе, и...

— Это по работе.

— В воскресенье?

— Ты ничего не понимаешь в том, чем я занимаюсь.

— Будь уверена, опыта в шоу-бизнесе у меня побольше, чем у тебя!

Она презрительно повторила вышедшую из моды формулировку:

— Шоу-бизнес!

— Эти твои актеры с продюсерами — они все сексуально озабоченные шлюхи и...

— Дорогой, не при детях!

С шокированным видом Мэгги водила по столу щеткой, чтобы собрать крошки.

— Я больше не хочу, — бросила Гаэль, отодвигая свой стул.

— Не смей выходить из-за стола!

Она встала, не ответив. Бояться ей было нечего: Морван никогда не поднимал руку на детей. Ругательства и тумачи приберегались для их матери.

— Гаэль, я тебя предупреждаю...

Она показала ему вытянутый средний палец и исчезла. Лоик, с полуприкрытыми глазами, беззвучно рассмеялся, будто смотрел сквозь затемненное стекло. Мэгги ушла на кухню. Малыши, по-прежнему бессловесные, казалось, были заинтригованы загадочным жестом.

Пальцы Эрвана вцепились в подлокотники. Ничего не изменилось: только он один был настороже, только он один дергался за всех. Всегда готовый вмешаться, всегда готовый бороться против сил зла в собственном клане. Он был Цербером, псом Аида.

И будто в подтверждение, Морван скомандовал:

— Эрван, ко мне в кабинет!

Берлога Старика была заставлена экзотической мебелью и странными пугающими предметами, по большей части из Конго. Вогнутые табуреты, подушки под спину из плетеной кожи, масляные лампы, сделанные из дротиков... Маски, скульптуры, амулеты на этажерках, казалось, вышли из одного и того же ночного кошмара. Головы с выжженными глазами, оскалившиеся острыми зубами рты, женщины с убийственными грудями...

Гвоздем коллекции, в прямом смысле слова, был набор фигурок, пронзенных металлическими острями и бутылочными осколками, покрытых цепями, волокнами и окровавленными перьями, — *минконди*¹ из Майомбе, что в Нижнем Конго. Эти статуэтки служили оружием против колдунов и их заклятий. Морван много раз объяснял сыну: *нганга*, целитель, приводил их в действие, втыкая гвоздь или осколок стекла.

В этих фигурках заключался еще один потайной смысл: именно они вдохновили серийного убийцу, которого Грегуар задержал в 1971 году. Душегуб превращал свои жертвы в обрядовые статуи, нашпигованные сотнями гвоздей, осколков зеркала и металлических обломков. Эрван был уверен, что отец украл свои статуэтки в самом логове преступника...

Грегуар снял пиджак. Даже в воскресенье он не изменял привычной одежде: небесно-синяя рубашка от Шарве с белым воротничком, черный галстук, старомодные подтяжки в форме перевернутой буквы «У». Он устроился за письменным столом в кресле с высокой спинкой, увенчанной двумя головами антилоп.

- Кэрверек — знакомо название?
- Нет.
- Такое местечко в Бретани.
- Еще одна семейная колыбель?
- Не мели языком. Там есть школа военно-морской авиации. Я пошлю тебя туда завтра. Какая-то история с дедовщиной.
- Ты шутишь?

¹ *Минконди* — множественное число от «нконди», что означает «охотник».

— Дедовщина, повлекшая смерть человека.

Эрван опустился на стул. Отец открыл ящик стола и извлек из него телек:

— Курсант спрятался в бункере на острове, чтобы избежать испытаний при посвящении. Просидел там ночь с пятницы на субботу. Но ему не поперло: утром это место было выбрано целью тренировочных стрельб. Все разнесло в клочья.

— Хочешь сказать, в пацана попал снаряд?

Старик протянул ему листок:

— На данный момент это все, что мы знаем.

Эрван пробежал глазами депешу. Историям отца он никогда не доверял. А эта звучала еще фальшивей обычного.

— Я ничего об этом не слышал.

— Даже Франс Пресс не в курсе. Все решили помалкивать, пока не будет приличной версии.

— И ты рассчитываешь на меня, чтобы ее озвучить?

— Именно.

— А почему не местная полиция?

— Потому что дело деликатное. Посвящение новичка, которое пошло наперекосяк. «Рафаль»¹, угробивший новобранца. И МВД, и Минобороны хотят объективного расследования, проведенного уголовной полицией. Чтобы их ни в коем случае не заподозрили в том, что они пытаются спустить дело на тормозах.

— А я окажусь между молотом и наковальней?

— Послушай, съезди туда, собери факты, напиши отчет.

*Basta cosi*².

— И в каком качестве ты меня отправишь?

— Спецзадание. Я разберусь с главной конторой. Придумаю, под каким соусом. Выедешь завтра утром, вернешься в среду. Нужен хороший коп, и я выбрал тебя. Когда военные увидят твой послужной список, они заткнутся.

Ясный намек на его боевое прошлое: за время работы в бригаде расследования и вмешательства Эрван трижды побывал на

¹ «Дассо рафаль» (фр. «Dassault Rafale», букв. «Шквал») — французский многоцелевой истребитель четвертого поколения.

² И все (ит.).

линии огня. Он убивал. Он был ранен. Есть чем впечатлить служивых.

— Ты хоть уверен в этой истории?

— В деталях нет. Но по словам полковника Винка, директора школы, это несчастный случай. Абсолютно идиотский, но все же именно несчастный случай. Новость, безусловно, не слишком хорошая: от этого дела несет бардаком, а дерьмо забрызгает всех. Твой отчет позволит определить, кому за что отвечать.

Эрван разглядывал утыканную гвоздями статуэтку с широкой плоской головой и очень длинными руками. По словам отца, она призвана вызывать у колдунов конвульсии и смертельное исхудание. Эрван частенько задавался вопросом, не она ли вызвала анорексию у Гаэль.

— А местные стражи порядка?

— Есть договоренность о сотрудничестве с отделом расследований в Бресте, но за штурвалом ты. В прокуратуре меня твердо заверили.

В комнате раздалось гудение. Заработал телекс. Эта картина была с детства знакома Эрвану: отец, поджидающий сообщений из штаба. Мальчишкой он воображал отца начальником вокзала, следящим за поездами и расписанием, — вот только составами здесь были убийства, изнасилования и прочие преступления всех видов.

Морван оторвал страницу, нацепил очки, пробежал текст глазами и добавил:

— Вечером тебе доставят все материалы. Уедешь на рассвете. Возьмешь с собой одного парня, расходы запишешь.

Эрван перевел про себя: свободен. Он встал, но отец снова открыл ящик:

— Погоди. Я хотел поговорить с тобой о другом.

Он выложил перед ним листочки размером не больше стикера. Эрван сразу узнал: бланки Управления внутренней безопасности. Анонимная информация, без указания автора или источника. Когда у отца случалось лирическое настроение, он изрекал: «Большие реки питаются маленькими источниками». И действительно, при помощи записанных на бумажке нескольких слов он заставлял содрогаться немало правительств.

Эрван снова сел и взял листки. Имена. Парижские адреса. Даты и время.

- Что это?
- Перемещения твоей сестры за последние два дня.
- Ты установил за ней слежку?

Грегуар гневно отмахнулся и по памяти прочел содержание листка:

— Пятница, 17:00, компания STMS, улица Линкольн, один час. В тот же день, 20:00, Патрик Блан, дом три, улица Дофин, тоже один час. На следующий день, 16:00, Эрве Леруа, дом двадцать два, улица Спонтини. Вечером она была в отеле «Плаза-Атене», потом в «Фукетс Барьер».

- Ну и что?
- Твоя сестра — девица по вызову.
- Может, у нее встречи по работе.

Морван перегнулся через стол. Эрвану показалось, что он слышит, как заскрипели сочленения трона; в нос ему ударил запах дорогого мужского одеколona «Eau d'Orange Verte» фирмы «Эрме».

- Ты что, кретин? Леруа и Блан продюсеры.
- Именно.
- Иногда я себя спрашиваю, что у тебя в башке. Один организует групповухи в Версале, второй занимается эскорт-услугами. — Он яростно ударил по крышке письменного стола. — Твоя сестра шлюха, черт побери! И можно сказать, скорострельщица!

Эрван отпрянул, как будто ему плюнули в лицо. Грубость отца была ему не в новинку. Шокировало другое.

— Ты пустил за ней слежку из Управления безопасности? За государственный счет?

- Я обязан защищать свою семью.
- Гаэль двадцать девять лет. Она вольна делать что хочет.

Грегуар ссутулился и словно бы съежился между двумя подлокотниками:

— Я не думал, что твоя сестра, которой я оплатил лучшие школы, самые прекрасные поездки, обеспечил самый надежный

блат при поиске работы, станет проституткой, которая отсасывает продюсерам.

— Не надо так говорить. Она хочет стать актрисой и обеспечивает себе возможности, чтобы...

— На данный момент она красуется нагишом в порножурналах.

— Не порно, а секси, не больше. У нее такой способ добиться известности. Ты должен уважать ее выбор. Ты говоришь о ней как о преступнице!

— Ты и впрямь дитя своего времени. Плевать на суть, важно только, *как* об этом говорить. Вы все сдохнете от политкорректности. — Он еще раз ударил по столу. — Чистоплюи сраные!

В его устах худшего оскорбления не было. Убежденный левак старой школы, он ненавидел консенсуальных социалистов, экологов, антиглобалистов — причем из самых благородных соображений. С его точки зрения, эти святоши воплощали абсолютное зло: буржуа, которые приняли собственную антикультуру, поглотили собственного врага — революцию. Однажды он сравнил этих чистюль с крысами, которые выжили, приняв яд, призванный их уничтожить, и теперь образуют расу, к этому яду невосприимчивую. И он не шутил.

Он поднялся, подошел к окну и встал, заложив руки за спину, на манер Командора:

— Я хочу, чтобы ты с ней поговорил.

— Я с ней уже говорил. Чем больше стараешься ее урезонить, тем сильнее она упрямится. Хотя бы ради того, чтобы сделать нам назло.

— Тогда устрой так, чтобы вокруг нее образовалась пустота. Надави на ее клиентов. Я дам тебе список.

— Ты что говоришь? Я не стану угрожать этим...

Немного успокоившись, отец вернулся к письменному столу:

— Их не так много. Гаэль работает от случая к случаю. Как в театре: не в основной труппе, а на договоре... Если никто не будет ее вызывать, она уймется.

— Или найдет новых.

— Тогда она настоящая шлюха, и ничего тут не поделаешь.

Эрван встал на защиту сестры, хотя испытывал такое же негодование, что и отец. Избалованный ребенок, который решил изгваздаться в луже. Он тоже поднялся:

— Так чем мне заняться: запугивать продюсеров или собирать кусочки бойца?

— Бретань — это срочно. Остальное — когда вернешься.

Эрван вышел из кабинета, не добавив ни слова, испытывая непривычную нежность к старому зверю. К человеку, который, несмотря на жестокость по отношению к жене и прошлое убийцы, питал безоговорочную любовь к своим детям.

— Чего он от тебя хотел?

Эрван вздрогнул: в темном коридоре стояла мать.

— Чего он от тебя хотел? — повторила она тихим голосом, с растерянностью в глазах.

Она так и не сняла кухонный фартук.

— Ничего, — рассеянно откликнулся Эрван. — Это по работе.

— Можешь проводить малышей к матери?

— А Лоик?

— Он заснул на диване.

Воскресенья шли своим чередом, не отличаясь друг от друга.

— София дома?

— Позвони ей. Она будет рада с тобой повидаться.

У входной двери стояли уже готовые Мила и Лоренцо, с рюкзаками за спиной — неременный груз для детей разведенных родителей. Мэгги открыла дверь. Ее рукав задрался, обнажив предплечье, все в фиолетовых синяках.

— Это что?

— Ничего. Я упала.

Краткий порыв расположения к отцу превратился во всплеск ненависти. Чувство знакомое, удобное, домашнее. Эрван даже не испытал удивления при мысли, что Старик в свои семьдесят лет продолжает бить жену. Его вывод был куда проще: он отметил про себя, что с возрастом синяки у матери проявляются более явно. Кровоподтеки приобретали бордовый оттенок и были теперь похожи на родимые пятна.

Он переступил через порог, весело бросив племянникам:

— Кто первый до лифта?

Оба малыша рванулись вперед, забыв поцеловать бабушку.

Эрван хотел было их окликнуть, но Мэгги остановила его:

— Не надо. Это не важно.

— До следующего воскресенья.

Дети приплясывали перед кабиной. Эрван улыбнулся им и погрузился в свои мысли. Он не мог вспомнить никакой беззаботности во времена собственного детства. Он всегда жил в страхе, тревоге и ужасе в ожидании того, что родители в любой момент вцепятся друг другу в морду.

К моменту, когда дверцы лифта раскрылись, он пересмотрел свое суждение, вынесенное во время обеда: ни Лоик, ни Гаэль не вышли сухими из воды. Наркотики брата, сексуальные закидоны сестры были всего лишь реакцией на изначальный травматизм.

В мыслях пронеслось воспоминание: четырехлетняя девочка и мальчик одиннадцати лет жмутся к старшему брату, а тот обнимает их, спрятавшись под кухонным столом, пока родители дерутся. Эрван до сих пор памятью тела ощущал холод кухонной плитки и как дрожали стены под ударами Левого Паскуа.

Он вошел в кабину, испытывая почти успокоительное ощущение: он не один, Лоик и Гаэль в страхе и растерянности по-прежнему прижимаются к нему под кухонным столом.

Э

Выходя от родителей, Гаэль обычно блевала.

Она заскочила в кафе, где туалет не слишком омерзителен, на углу улиц Монсо и Лисбон и сделала что нужно. Подростком она перепробовала все возможные техники блевания, от соленой воды до зубной щетки, запихнутой в глубину горла. Сегодня ее рвало по первому требованию. Достаточно было подумать о чудовищной материнской стряпне, и готово дело.

На улице ей стало лучше. Сентябрь выплачивал неустойку. После хмурого лета и ранней осени несколько солнечных дней были совсем не лишними. Она спустилась по авеню Мессины,

наслаждаясь видом. Тени древесных крон дрожали на асфальте. Острые лучики света пробивались сквозь листву. Эта авеню была квинтэссенцией османовского Парижа. Балконы, атланты и кариатиды на каждом этаже нависали над раскидистыми платанами. Гаэль чувствовала себя королевой в аллеях Версаля.

Пройдя по улице Миромениль, она свернула налево, на улицу Пантьевр, и добралась до своего дома. Вокруг было пустынно. Несмотря на яркое солнце, в этих узких улочках ощущалось что-то мрачное. Она долго колебалась, прежде чем выбрать студию, расположенную в нескольких метрах от площади Бово — берлоги чудовища. В конце концов она решила проигнорировать этот факт. Победить врага — значит больше о нем не думать.

Наклонные мансардные стены, небольшие окошки, паркет из широких плашек, по которым так приятно ступать босыми ногами, — она не стала ничего обставлять, потому что хотела, чтобы это пространство было похоже на ее собственное существование: чистую страницу, которую предстоит заполнить. Единственное, чем она дорожила, была ее библиотека. Яркие обложки изданий «Пресс Университер», университетских серий, коричнево-зеленые с позолотой издания «Плеяды», сигарный оттенок очерков Фрейда... Ниже — подборка биографий с яркими пестрыми корешками, по образу и подобию ее собственных увлечений. Гаэль знала все о Ницше и Витгенштейне, но зачитывалась также биографиями Шакиры, Милен Фармер, Аннет Вадим... Она чувствовала себя одновременно революционеркой и женщиной-вещью, интеллектуалкой и простушкой. Пока еще сама не разобралась.

Японский жареный чай. Маска из глины на лицо. Письменный стол. После воскресного обеда и экспресс-блевания третьим ритуальным действием было наведение порядка в своем профессиональном мирке. Обновление страничек в соцсетях, чтение полученных мейлов, редактирование твитов... Для актрисы очень важно регулярно поддерживать контакт со своими фанами — даже если они не толпятся у дверей. Она отправила СМС своему агенту, чтобы предупредить, что зайдет завтра после полудня: вот уже несколько недель та не могла добыть для нее ни одного кастинга.